

*Подготовила Россинская Светлана Владимировна,
гл. библиотекарь библиотеки «Фолиант»
МБУК «Тольяттинская библиотечная корпорация»*

*К 16 декабря 2012 года - 147-й годовщине со дня рождения русского художника
Василия Кандинского, к 50-летию со дня смерти его музы - Габриэлы Мюнтер*

**Василий Кандинский и Габриэла Мюнтер.
Правда искусства и правда жизни**
*Литературно-искусствоведческое исследование жизни и творчества
русского художника Василия Кандинского
(16.12.1866-13.12.1944).*

*«Если какая - то форма кажется невыразительной и, как о ней
выражаются, «ничего не говорит», то это не следует понимать буквально.
Нет такой формы - как и вообще ничего в мире, - которая бы ничего не
говорила».*

Кандинский.

6 декабря 2012 года в Литературном клубе «Прикосновение» библиотеки «Фолиант» МБУК ТБК состоялось литературное исследование *«Василий Кандинский и Габриэла Мюнтер. Время все расставит по своим местам»*. Оно было посвящено 147-й годовщине со дня рождения выдающегося русского живописца XX века, графика, теоретика и преподавателя изобразительного искусства.

На вечере на примере творчества **Василия Кандинского** мы попытались понять, что такое *абстракционизм* в живописи.

Художник умер в 1944 году. Истекшие с его кончины годы еще не успели создать сколько-нибудь значительной временной дистанции. Поэтому неудивительно, что многие зрители так до сих пор и не смогли найти подхода к его творчеству. И, несмотря на то, что он ввел в практику живописи качественно новое мышление, и поныне часто приходится сталкиваться с непониманием и отрицанием его творчества.

Давайте, вместе с читателями библиотеки посмотрим, как же так получилось, что Кандинский, юрист по образованию, доктор Московского юридического общества, вместо того, чтобы стать профессором Дерптского университета вдруг внезапно бросил открывающуюся перед ним блестящую академическую карьеру и посвятил себя живописи? Как могла повлиять на принятие такого решения состоявшаяся в Москве выставка импрессионистов и, в частности, картина **Клода Моне «Сток сена»?**

Почему словенский художник **Антон Ажбе**, в художественной школе которого учился в Мюнхене Кандинский, так странно отозвался о своем ученике: *«Он какой-то чудак, очень мало напоминает художника. Совершенно ничего не умеет»*.

Почему художник - модернист, **Франц фон Штук**, возглавлявший влиятельное общество художественных выставок, картины Кандинского для выставки не взял? Чем мотивировал свой отказ и как поступил в ответ художник?

В свое время Василий Кандинский возглавил Новое мюнхенское художественное объединение, идея которого была проста: существуют два мира, внутренний и внешний, и искусство - единственное, что их соединяет. Но критики не поняли правду искусства. *«Кривлянье, блеф, извращение и полное безумие»* - таков был их приговор.

Почему же теперь картины, на которые публика времен Кандинского с упоением плевала, а владелец галереи ежедневно в связи с этим был вынужден после закрытия протирать полотна, сегодня по праву считаются украшением лучших музеев мира?

Какую роль сыграли в жизни художника его двоюродная сестра **Анна Чемякина** и 18-летняя **Нина Андреевская**? С чего началась и чем закончилась история любви Василия Кандинского и его музы – немецкой художницы **Габриэлы Мюнтер**?

Известно, что в 1933-м к власти в Германии пришел Гитлер. Современное искусство было объявлено «вырожденческим», «дегенеративным». В число «вырожденцев» попали **Марк Шагал** и **Пабло Пикассо**, **Франц Марк** и **Август Макке**, и, конечно же, абстракционист **Василий Кандинский**. Произведения «дегенеративного» искусства подлежали изъятию из музеев и частных коллекций, а впоследствии – уничтожению. Нарушение этого постановления грозило их владельцам тюрьмой. Как же удалось **Габриэле Мюнтер** спасти наследие одного из самых ярких художников XX века? И так...

Он какой-то чудак, очень мало напоминает художника

Кандинский довольно поздно понял, что его призвание – искусство. До этого озарения был юридический факультет Московского университета, увлечение этнографией, экспедиция в Вологодскую губернию. А еще – женитьба в 1892 году на **Анне Чемякиной**, двоюродной сестре по линии отца, которая была старше Василия на шесть лет. Ему тогда было двадцать шесть.

Получив университетский диплом, Василий Кандинский был удостоен докторской степени и избран членом Московского юридического общества. А в 1896 году Дерптский университет (ныне – Тартуский) предложил ему профессорское место. Перед молодым ученым открывалась блестящая академическая карьера, но, Кандинский вдруг решил все бросить и посвятить себя искусству.

Спустя многие годы сам художник говорил, что тогда на него повлияли два события – состоявшаяся в Москве выставка импрессионистов, на которой он увидел полотно **Клода Моне «Сток сена»**, а также исполнение вагнеровского *«Лоэнгрин»* в Большом театре.

Музыку Василий Кандинский знал прекрасно. Его отец, управляющий чайной фабрикой в Одессе, настоял на том, чтобы сын учился игре на фортепиано и виолончели. Рисованием Василий занимался в детстве тоже. Но лишь в тридцать лет, как писал он позже, *«рисование и... живопись вырывали меня из условий действительности»*.

Кандинский уехал в Мюнхен. Поступил в частную художественную школу словенского художника **Антон Ажбе**, где учились многие молодые российские художники, в том числе **Алексей Явленский**, **Марианна Верекина** и **Игорь Грабарь**. Учитель так написал о новом соученике: *«Он какой-то чудак, очень мало напоминает художника. Совершенно ничего не умеет, но, впрочем, по-видимому, симпатичный мальчик»*.

Очень скоро Кандинскому стало мало того, что был способен дать своим ученикам большой ценитель немецких вин Ажбе. В 1900 году он поступил в престижную Мюнхенскую академию художеств, в класс **Франца фон Штука**, художника – модерниста, возглавлявшего Мюнхенский Сецессион – влиятельное общество художественных выставок.

Через год фон Штук в превосходных тонах отозвался о своем ученике, но картины его для выставки Сецессиона не взял, упрекая в *«крайностях в красках»*. В ответ Кандинский создал свое общество художников, *«Фаланга»*, которое видел по-настоящему свободной и гибкой художественной организацией, борющейся за новое *«революционное искусство»*. При этом объединении открыли художественную школу. Кандинский преподавал в ней рисунок обнаженной модели и живопись.

Именно в эту мюнхенскую школу в 1901 году и пришла милая 24-летняя девушка, говорившая по-немецки с едва уловимым английским акцентом. Так началась история любви Василия Кандинского и Габриэлы Мюнтер.

Учитель и его ученица

Габриэла пришла учиться живописи и не подозревала, что 36-летний Кандинский станет не только учителем, но и главным человеком всей ее жизни.

Родилась молодая художница 19 февраля 1877 года в семье **Карла Фридриха Мюнтера** и его обожаемой супруги **Вильгельмины**, урожденной **Шойбер**.

Познакомились и поженились они в Америке, куда эмигрировали в разные годы: Карл - начинающим дантистом, а Вильгельмина - еще совсем девочкой, с родителями. Жизнь Габриэлы могла бы сложиться иначе, если бы в 1864 году они не решили вернуться на родину.

Нельзя сказать, что детство Габриэлы было счастливым: в девять лет она потеряла отца, а спустя год умер ее любимый старший брат, веривший в ее художественный талант и в ее блестящее будущее как художницы - именно ему она показывала свои первые работы.

Фрау Вильгельмина, была женщиной необыкновенно мужественной. Она умела принимать удары судьбы и учила этому Габриэлу и ее сестру **Эмми**. Им оченьгодились эти уроки. Габриэле еще не было двадцати лет, когда сестры остались круглыми сиротами. В то время Габриэла уже училась в частной художественной школе в Дюссельдорфе. Занималась с увлечением, но, когда ее и сестру пригласили к себе американские родственники, занятия пришлось оставить.

В сентябре 1898 года Габриэла и Эмми отправились в Нью-Йорк, затем к другим родственникам в Сент-Луис, потом - к родне в Арканзас, оттуда - в Техас. Два года, прожитые в Америке, Габриэла не выпускала из рук свой альбом - рисовала вновь обретенных американских родственников, удивительную землю, на которой они живут. Ее наброски яркие и выразительны. Когда в октябре 1900 года сестры возвратились в Германию, Габриэла уже точно знала, что будет художницей.

В школе «Фаланга» она записалась сразу в два класса - скульптуры и живописи. Скульптуру преподавал герр **Хюсген**, живопись - русский по имени Василий. Спустя многие годы Габриэла вспоминала:

- Для меня было совершенно новым художественным впечатлением то, как Кандинский принципиально иначе, чем все другие преподаватели, все подробно и основательно объяснял и воспринимал меня как сознательно устремленного к своим целям человека, способного ставить перед собой собственные задачи.

Кандинский изо всех сил старался избегать в общении со своими учениками излишней жесткости, давления, диктата. Главное для преподавателя, полагал он, - дать раскрыться индивидуальности молодого живописца.

Конечно же, он сразу понял, что у фройляйн Мюнтер несомненный талант.

- Тебя ничему нельзя научить. У тебя все от природы, - говорил он Габриэле. - Единственное, что я могу для тебя сделать. - это оберегать и пестовать твой дар, чтобы к нему не пристало ничего неверного.

И она была счастлива - у нее все получается, а учитель ее - просто чудо! Весной 1902 года Габриэла писала родственникам:

- Наконец-то я нашла правильного, настоящего учителя.

А скоро ей стало ясно, что в Кандинском она нашла не только учителя...

Время все расставит по своим местам. Подожди!

Летом 1902 года Кандинский вывез своих учеников в Кохель на этюды. Этот живописный городок ему очень нравился. Обычно он расставлял молодых художников по берегу озера Кохельзее, а потом объезжал учеников на велосипеде. Габриэла решилась сопровождать его.

В то время женщины не катались на велосипедах, но она была девушкой эмансипированной и велосипед освоила еще в Америке. Эти совместные поездки их сблизили - долгие разговоры, купание в озере, остановки на отдых...

Кандинский не забывал, что он женат, но как тут устоять и не поддаться чувствам - ведь Габриэла смотрела на него с таким восторгом и преклонением! И она так молода, свежа и так талантлива! Он написал ее портрет, а ведь этот жанр не был его любимым. Он писал портреты только очень близких людей...

Гармония была нарушена, когда в Кохель приехала жена Кандинского. Он совсем не хотел ее волновать, делать ей больно, а потому попросил Габриэлу уехать из Кохеля. Их восхитительные прогулки остались в прошлом, но началась переписка. Когда осенью они вновь встретились в Мюнхене, привычка писать друг другу осталась.

Кандинский писал *«застенчивой маленькой Элле»* каждый день: выплескивал на нее свои эмоции, свое ощущение одиночества и непонятости, свои мысли об искусстве, о последних работах и огорчался, когда ей что-то в них не нравилось. В письмах они были предельно откровенны.

В одном из них он признался, что более не представляет своей жизни без нее и хотел бы, чтобы она была целиком и полностью *«настроена на его волну»*. В другом - ревновал: *«Мне кажется, ты меня слишком мало любишь... Как же я одинок!.. Я никому не могу принести счастья!»* В третьем - повторял, что любовь его растет с каждым днем, что он только о ней и думает. Но замуж не звал. *«Время все расставит по своим местам, - говорил он Габриэле. - Подожди...»*

И она ждала, и вместе с тем ужасно мучилась. Ей хотелось ясности, ей претили эти встречи тайком, эти тайные поцелуи - она не собиралась ничего ни у кого красть, она просто любила его и хотела быть с ним рядом.

Она попыталась убедить себя, что готова принять уровень отношений «ученица-учитель» и не претендовать на большее. Но это было совсем не то, чего хотел Кандинский. В его письмах вновь зазвучали *«мой нежный друг»*, *«мое славное золотое сердечко»*, *«светлое мое счастье»*. И на его полотнах появились мужественные рыцари и прекрасные дамы.

В Доме художников в Кальмюнце

А потом в их жизни был Кальмюнц. Этот город художники облюбовали еще в XIX веке, а в начале двадцатого сюда уже приезжали живописцы со всей Европы. Неудивительно, что местная гостиница, называвшаяся *«У красного дрозда»*, была переименована в *«Дом художников»*. В этой гостинице на улице Фильсграссе и поселились Кандинский с Мюнтер в 1903 году. Они приехали в город порознь, и их встреча произошла 19 июля.

Городок произвел на обоих сильное впечатление - они обошли все улочки, поднялись на гору и, потрясенные открывшимся видом, решили запечатлеть эту невероятную красоту на холсте.

Писали они и портреты друг друга. Вот на картине Кандинского его Элла - в средневековом балахоне, который он сам ей придумал, спиной к зрителю. Похоже, ему не очень важно ее душевное состояние. Тут главное - решение чисто колористических, композиционных задач. Иногда он обряжал ее в шляпу и платье, которые находил на

местном блошином рынке, и она безропотно позировала ему, удивляя своим видом прохожих.

Габриэла же писала его, стараясь передать характер и настроение любимого. В Калльмюйце они окончательно решили, что должны быть вместе, Кандинский пообещал развестись, и они обменялись кольцами.

- Я радуюсь тому времени, когда мы вместе занимаемся творчеством. По вечерам ты играешь, а я испуленно граввирую и граввирую. Ты со временем уже начинаешь узнавать радость совместной работы, - говорил он Габриэле.

Но развод оказался делом долгим, официально Кандинский оформил его лишь в 1911 году. Габриэле пришлось мириться с нелепым условием, выдвинутым Кандинским: он не хотел, чтобы его жена Аня и Габриэла хотя бы случайно встретились. Поэтому, когда он с Аней приезжал в Мюнхен, Габриэла по его просьбе уезжала к своей родне в Бонн.

Родным она сообщила о «помолвке» ~ не могла скрыть свою радость. Но Кандинский, которого она уже называла мужем, совсем не торопился узаконивать их отношения. Из-за этого пребывание в доме родни с каждым разом превращалось во все более мучительную пытку - все чуть ли не хором убеждали ее: *«Забудь о существовании этого русского, он только морочит тебе голову!»*.

Путешествия, встречи, расставания... музыка, танцы и философия

А потом в жизни Кандинского и Габриэлы наступили годы странствий. Май-июнь 1904 года они провели в Голландии, откуда Василии вернулся в Мюнхен, а Габриэла отправилась в Бонн, где прожила полгода, ожидая, когда из Мюнхена уедет Аня. Потом они путешествовали три месяца по Тунису - экзотические места, старинные города, развалины... Все было интересно и невероятно живописно. Домой они возвращались через Италию, и в Вероне их дороги снова разошлись.

Им было хорошо во время этих путешествий - на поездах, кораблях, в отелях - но каждый раз все заканчивалось расставанием... Когда Кандинского не было рядом, Габриэла не могла работать. Страдал в разлуке и Кандинский. Его мучили угрызения совести - и из-за Ани, которой он регулярно писал и часто навещал, и из-за Габриэлы, которую он делал несчастной, подчиняя себе и не давая взамен ничего, кроме страстных посланий, где называл ее богиней, источником жизни, ангелом-спасителем и божественным посланником.

- Будь со мной, - просил он ее, *- умоляю тебя, преклоняюсь перед тобой, моя звезда, мое сокровище, моя жизнь...*

А потом наступала новая встреча, новый побег из семейного круга и - новая разлука... На немногих совместных фотографиях тех лет Габриэла редко улыбается, Кандинский - всегда. На людях он умел быть обаятельным, энергичным, легким и жизнерадостным, но, оставшись с Габриэлой один на один, не скрывал депрессий - Габриэла умела его успокоить, согреть своей любовью.

Зиму 1906 года они провели вместе в Италии, а затем поехали в Париж. Ходили на выставки, знакомились с новыми течениями в искусстве, обсуждали фовистов, о которых тогда все говорили, и странного художника **Руссо-Таможенника**.

В Париже Кандинского вдруг стали мучить сомнения в том, что он делает, он сказал, что ему здесь душно, и решил уехать. Но тут всегда покорная ему Габриэла восстала. Ей в Париже хорошо. Она решила снова учиться. Ее новый преподаватель **Теофил Штайнлен** очень ее хвалит. Да и Кандинский заметил, что у нее сформировался ее неповторимый стиль, художественный почерк.

Должно быть, ревность все-таки сыграла свою роль: после очередного путешествия, в Швейцарию, Кандинский предложил ей пожить вместе в Берлине. Им было очень хорошо. Они обнаружили, что, кроме живописи, их одинаково волнует

музыка. Они вместе ходили на концерты, слушали оперы и даже устраивали у себя музыкальные вечера.

В Берлине они посмотрели все постановки выдающегося новатора сцены **Макса Рейнхарда**. Кандинский так увлекся театром, что сам захотел поставить какой-нибудь спектакль. А Габриэла, попав на выступление **Айседоры Дункан**, вдруг пожелала учиться танцу. Записалась в балетную студию, но Кандинский ее отговорил.

При этом сам он, вдруг подпав под влияние теософских идей, начал посещать модные лекции антропософа **Рудольфа Штайнера**, который признался, что Кандинский понял его идеи гораздо лучше других.

Мурнау - центр нового искусства

В июне 1908 года Габриэла и Кандинский вернулись в Мюнхен и впервые не расстались. Они поселились в Мурнау, очаровательном местечке под Мюнхеном, в доме, который снимали их друзья - художники Марианна Веревкина и Алексей Явленский. Холмы, озеро Штаффельзее, чудесный вид на Альпы - место, откуда никому не хотелось уезжать.

На два года, с 1908-го по 1909-й, Мурнау стал центром нового искусства. Четыре выдающихся и в будущем прославленных художника работали, любили, ревновали, страдали и обсуждали здесь пути развития живописи. Именно в Мурнау родилось новое искусство, которое стало настоящей революцией в культуре XX века.

Марианна Веревкина, глубокий мыслитель и замечательный художник, считавшая, что живопись - это *«тайнопись души»*, а основная задача искусства - *«прорвать земные границы»*, и Кандинский, идущий к абстракционизму, заложили здесь основы совершенно новой философии творчества. А Габриэла, работая рядом с Явленским, слушая его рассказы о Ван Гоге и других французских художниках, училась чувствовать цвет, композицию.

В 1909 году Габриэла решила купить дом в Мурнау. Кандинскому эта идея очень понравилась. Он признался, что готов провести в этом доме остаток жизни, Он ходил босиком по траве, с удовольствием работал в саду, расписывал стены. Часами наблюдал, как работает его «маленькая Элла», любуясь ее гордой осанкой. И писал ее портреты...

Официально Габриэла стала владелицей дома 21 августа 1909 года. Это событие торжественно отпраздновали в ресторанчике «Роза» на берегу Штаффельзее. За столом рядом с Кандинским и Габриэлой сидели ее сестра Эмми с мужем и дочкой, Марианна Веревкина и Алексей Явленский. Все было очень по-семейному.

Впереди предстояла выставка Нового мюнхенского художественного объединения, которое возглавил Кандинский. Идеологию Нового объединения Марианна Веревкина сформулировала так: *«Правда жизни и правда личности - два электрических провода, которые рождают правду искусства»*. Кандинский развил эту идею в манифесте: существуют два мира, внутренний и внешний, и искусство - единственное, что их соединяет.

Первая выставка объединения, открывшаяся 1 декабря 1909 года, полностью провалилась. *«Кривлянье, блеф, извращение и полное безумие»* - таков был приговор критиков.

Вторая, открывшаяся в следующем году, тоже успеха не имела. Кандинский рассказывал, что владелец галереи по вечерам, когда залы закрывали, вынужден был протирать полотна - публика с упоением на них плевала. Так были поначалу восприняты картины, ныне по праву считающиеся украшением лучших музеев мира.

Во - первых и во-вторых

И сегодня перед полотнами абстракционистов публика резко делится на две части: одна часть ведет себя, словно в комнате смеха; бросает язвительные, уничтожающие реплики; возмущается, почему дозволены подобные безобразия и что пора бы их пресечь. Вторая, меньшая часть публики, тотчас начинает шикать на хохочущих в том смысле, что они - невежды и не доросли до понимания высокого искусства. Есть и третья категория людей, которые не хохочут, но и не шикают на хохочущих, а смотрят молча и стремятся понять, потому что картина сделана человеком, почти современником. И художник, создавая ее, имел определенный замысел, а не просто вытирал кисти о холст.

Еще сорок семь лет назад в статье «*Во-первых и во-вторых*» **В.А. Солоухин** писал, что художественные поиски не знают рецептов, что искусство все время эволюционирует, что определенные сочетания цветов так или иначе воздействуют на человеческую психику, даже если эти цвета не сложились в сюжетную картину, портрет человека или пейзаж.

Он был не против того, чтобы картины, похожие на цветовые пятна, и заключенные в деревянные рамочки, назывались композициями. Он был против того, чтобы под пятном стояло название, скажем, «Одинокая женщина» или «Костел». И приводил в качестве примера того, как важно сказать именно то, что хочешь, картину Ильи Глазунова «*Детство Рублева*». На картине есть одна, казалось бы, второстепенная деталь. Изображена земля. Опустошенная татарским набегом. И вот на земле валяется икона, в которую ударила татарская стрела. Икона раскололась так, что мать отделилась от младенца. Если бы художник написал, как свирепый татарин вырывает из рук матери ее дитя, эффект был бы меньшим, потому что тогда зрители думали бы, что именно у этой женщины отняли именно этого ребенка.

Развитие искусства неизбежно, но мне близко понимание В. Солоухина, определившего два условия, неизменных для того, чтобы искусство оставалось искусством. Во - первых, надо, чтобы оно не уходило от человека и, во-вторых, чтобы оно не теряло глубоких национальных корней.

Ты живешь... для себя, обо мне не думаешь...

Сразу после второй выставки Кандинский решил ехать в Россию - его пригласили участвовать в выставках объединения «*Бубновый валет*». Художника встретили восторженно, на выставках было не протолкнуться. Кандинский решил задержаться. Он в полной эйфории.

А в письмах Габриэлы грусть и одиночество. Ей кажется, Кандинский ее забывает. Ей не хочется работать, апатия, неверие в себя... Ей так хотелось быть к нему поближе, что она начала брать уроки русского языка.

Он приехал перед Новым годом, который отметили в доме Веревкиной и Явленского. Гости с увлечением обсуждали придуманный Кандинским альманах авангардного европейского искусства, название которого, «*Синий всадник*», родилось чуть позднее.

Немецкий художник **Франц Марк**, участвовавший в этих жарких дискуссиях, писал:

- Мы были у Явленского. Весь вечер беседовал с Кандинским и Мюнтер - невероятные люди! Кандинский даже превосходит Явленского по части личного обаяния. Я был совершенно сражен этим утонченным мужчиной, преисполненным внутреннего благородства, и был весь внимание. Легко могу понять, за что его столь пламенно любит миниатюрная Мюнтер, которая мне чрезвычайно пришлась по душе.

Но вот пришло лето, и Кандинский вновь расстался с Габриэлой. Уезжая, он подбадривал ее, говорил, что нужно дать отдых чувствам, да только, похоже, этот отдых

был нужен лишь одной стороне, и отнюдь не Габриэле. Когда Кандинский уезжал, Габриэла с головой погружалась в работу над новым альманахом. Вела переговоры с авторами и типографиями, редактировала тексты, делала массу другой рутинной, но необходимой работы.

Кандинский, похоже, не понимал, каких душевных сил ей это стоило. Замечал лишь, что у Габриэлы стал портиться характер. А она страдала из-за того, что их отношения с Кандинским постепенно перерастают в деловые. Тем не менее, она по-прежнему свято защищала его интересы, понимая, как важен для него успех в Европе.

Но когда в мае 1912 года альманах наконец увидел свет и вся Европа заговорила о «Синем всаднике», она не услышала ни слова благодарности. Зато он сообщил, что лето 1912 года они вновь проведут в Мурнау и будут вместе работать. Какими бы ни были их личные отношения, Габриэла всегда признавала, что Кандинский очень трогательно относился к тому, что она делала в живописи, - в искусстве они всегда друг друга понимали.

В октябре Кандинский вновь отправился в Россию. Габриэла, которой показалось, что он больше не вернется, не выдержала и написала ему в одном из писем: *«Ты живешь... для себя, обо мне не думаешь»*. Он действительно сомневался, возвращаться ли ему. И ее жалобное письмо вызвало у него лишь раздражение.

Но вернулся, и весну 1913 года, а потом и лето 1914 года они снова провели вместе, в Мурнау. Почти не писали картин, трудились в огороде, стараясь не выяснять отношения, - так лучше. Кандинскому в ту пору было не до земной любви - он погрузился в мистические теории, его волновал только грядущий апокалипсис.

И он настал - началась война. Все русские в Германии разом стали нежелательными персонами и должны были в срочном порядке покинуть страну. Уехали из Мюнхена самые близкие друзья - Веревкина и Явленский. Кандинский перебрался в Швейцарию. Вместе с ним поехала и Габриэла.

Она никак не ожидала, что в Цюрихе Василий сделает решительный шаг: скажет ей, что он уже давно видит в ней подругу, а потому в будущем жить вместе им уже не следует, зато они навсегда останутся друзьями,

Габриэла уехала домой, в Мюнхен. Можно представить, что творилось в ее душе, - она столько отдала этому человеку, ее столько с ним связывало, и вот теперь все было кончено. Кандинский испугался за нее, пытался успокоить в письмах:

- Часто думаю о том, как тебе сейчас одиноко. Мне это очень больно. Тем не менее мне кажется, что предложенная мной форма отношений - наилучшая... Совесть мучает меня, равно как и сознание того, что многое, что я должен был сделать, не в моих силах, против своего естества я идти не могу. Но время лечит. Вынужденно долгая разлука внесет ясность...

Загадочная русская душа?

И ей так хотелось верить, что она, эта ясность придет. Когда-то он обещал ей, что все будет хорошо, и за все годы жизни с ним она ни разу не позволила себе подумать, что он может лгать. И еще ей так хотелось стать его женой. Кандинский этого ее желания решительно не понимал - к чему вся эта бумажная волокита?

Размышляя о высоких материях, он не задумывался о том, как трудно было Габриэле жить в незаконном браке, когда все вокруг - и соседи в Мурнау, и ее родственники, и многие из их общих друзей - осуждали ее. Она была готова сказать «да», даже если Кандинский, решив выполнить обещание, предложил бы ей стать его женой лишь на один день и после свадьбы тут же бы последовал развод. Она ждала их новой встречи, а Кандинский ее все откладывал, зато в письмах с удовольствием рассуждал о сущности любви:

- Любовь, согласно моему пониманию, должна быть безграничной и во всех отношениях плодотворной.

А затем утверждал, что Мюнтер его по-настоящему никогда не любила. Это она-то его не любила? И бедная Габриэла хваталась за томик Достоевского и читала, пытаясь понять - что же такое эта загадочная русская душа.

Я сам насчет себя заблуждался...

18 июля 1915 года Габриэла приехала в Стокгольм - зная о трудном материальном положении Кандинского, она решила помочь ему, организовав выставку- продажу его работ. В ответ он ей написал:

- Я приеду, чтобы увидеть тебя. Я этого очень-очень желаю. Но я не могу с тобой жить, как раньше... Я тебя все время вводил в заблуждение лишь потому, что сам насчет себя заблуждался.

23 декабря они встретились. Оказалось, он не привез с собой ни одной картины, а потому, запершись на съемной квартире, принялся работать - ведь нужно было что-то показать на выставке. А она занялась тем, что сегодня назвали бы пиаром.

Наконец 1 февраля 1916 года выставка открылась. Кандинский сам комментировал свои работы, разъясняя зрителям смысл абстрактных композиций. В целом мероприятие имело успех, удалось продать несколько картин, и критика была вполне доброжелательной.

А следом, в марте, прошла выставка Габриэлы. Она была принята на ура, о ней написали все немецкие газеты, а одна из лучших художественных школ Берлина предложила Мюнтер место преподавателя.

16 марта Кандинский уехал в Россию. Как всегда, он обещал вернуться. Хотя уже точно знал, что расстанется с Габриэлой навсегда. Но прямо и честно сказать ей об этом не смог - не хватило мужества. Это была их последняя встреча.

Еще некоторое время они переписывались, но письма его становились все короче - у него появилась новая любовь, 18-летняя **Нина Андреевская**, а в сентябре 1916 года, через две недели после знакомства, она стала его законной женой. Ни в одном из своих писем к Габриэле он об этом даже не упомянул. А затем совсем перестал писать.

Габриэла испугалась, что с ним случилось страшное. Перед Рождеством 1917 года она сделала официальный запрос в Москву. Ответа пришлось ждать долго, но в июне 1918 года она все-таки узнала, что разыскиваемое ею лицо *«заявило, что находится в живых»*.

О, как убийственно мы любим, или Объем создают тени

А в 1921 году Кандинский снова появился в Германии - с молодой женой. Прославленный художник, обласканный большевиками вождь авангардного искусства приехал по приглашению выдающегося немецкого архитектора **Вальтера Гропиуса** преподавать в знаменитом Баухаусе - центре современной архитектуры и всего передового искусства.

Габриэла была уверена, что Кандинский вспомнит о ней. Но он вспомнил не о ней, а о своих полотнах, оставленных в ее доме. А еще о своем велосипеде, одежде и других мелочах. И через адвокатов потребовал вернуть все это.

- Он ведет себя так, словно меня нет на свете, - написала тогда Габриэла в своем дневнике. Смертельно оскорбленная, она написала ему гневное письмо, в котором напомнила обо всех его обещаниях и о его лжи. Письмо было очень длинным - 40 страниц. Она высказала все, что поняла про своего бывшего учителя, друга, возлюбленного.

И он ответил - обращаясь к ней на Вы, как к чужому человеку. Признал, что нарушил слово, просил его простить и обещал компенсировать все ее обиды материально - подарив ей свои картины. Переговоры - через адвокатов - продолжались еще 4 года.

В 1926 году Габриэла отправила Кандинскому 26 ящиков с его вещами. А он в ответ прислал ей официальную бумагу, в которой говорилось, что он наделяет госпожу Мюнтер *«полным и безусловным правом владения всеми работами, которые он ей оставил»*.

- *У меня было сокровище - Кандинский, теперь у меня останутся только его работы*, - писала Габриэла, которая так и не смогла вычеркнуть любимого из памяти и продолжала следить за его творчеством и жизнью.

Когда нацисты закрыли Баухаус, Кандинский с Ниной перебрался во Францию. Он занимался живописью, писал статьи, общался с выдающимися авангардистами XX века - **Мондрианом, Миро, Эрнстом**, участвовал в международных выставках. В 1939 году ему дали французское гражданство. Так, французом, он прожил последние пять лет.

Он умер в 1944 году, пережив соратников по «Синему всаднику»: Марианну Веревкину - на шесть лет, а Алексея Явленского - на три года.

Его ждала огромная посмертная слава - монографии, изданные почти на всех языках, выставки, прошедшие почти во всех столицах, его картины заняли почетное место в лучших музеях мира...

А Габриэла? После разрыва с Кандинским она несколько лет не могла работать и снова взяла кисть в руки только в 1930-х годах. Возродиться к творчеству и вообще к жизни ей помог **Иоханнес Эйхнер**, философ и замечательный искусствовед, один из первых исследователей «Синего всадника», сумевший стать ей настоящим другом.

После разрыва с Кандинским у Габриэлы осталось более 90 живописных полотен маслом, 330 работ темперой, акварелью и рисунков, живопись на стекле, множество блокнотов с набросками и 300 офортов и литографий Василия Кандинского.

Кроме того, у нее хранились и ее собственные дневники, многолетняя переписка с Кандинским, документы по созданию альманаха и группы «Синий всадник» и работы художников, членов этой группы. До 1933 года она хранила все это в специальном сейфе, который оплачивала из своего кармана.

В 1933-м к власти в Германии пришел Гитлер. Современное искусство было объявлено «вырожденческим», «дегенеративным». Вместе со своим верным другом Иоханнесом Эйхнером Габриэла забрала сокровища из хранилища и спрятала их в подвале собственного дома. Подвал был очень глубокий и сухой и вполне подходил для картин. Наследие «Синего всадника» хранилось в подвале дома Мюнтер до конца войны.

Все эти годы Габриэла не знала покоя. Она хорошо понимала, что с ней бы стало, если бы нацисты обнаружили ее тайник. Но когда уже было ясно, что фашистская Германия доживает последние дни, начались налеты самолетов союзников, и у Габриэлы появились новые страхи - а вдруг бомба попадет в ее дом?

А когда город был взят, вооруженные американские солдаты принялись обыскивать дома в поисках спрятавшихся эсэсовцев. Наведывались они - и не однажды - и к Габриэле и только чудом не нашли подвал. После одного из обысков Габриэла пошла в американскую комендатуру.

-*Я - известная художница и очень прошу оградить меня от этих непрошенных визитеров и внезапных обысков*, - заявила она на прекрасном английском.

Габриэле выслушали и дали *«охранную грамоту»*. Так ей удалось спасти и сохранить значительную часть художественного наследия Кандинского и своих друзей.

После войны Габриэла занялась живописью с такой страстью, как будто наверстывала упущенное. В ее работах - единство жизни природы и жизни человека, тонкие краски, душа и та самая удивительная гармония, к которой стремился «Синий всадник».

С годами ее искусство становилось все более зрелым, в нем выразились противоречия XX века, его потрясения и трагедии, отображенные с такой глубиной, что Габриэлу Мюнтер по праву называли одной из лучших немецких художниц XX века.

Вместе с Эйхнером Мюнтер организовала фонд, ставший центром исследований авангардного искусства. А в 1957 году, в день восьмидесятилетия, она подарила все свое собрание картин, писем, документов мюнхенскому музею Ленбаххаус.

Последние годы Габриэла Мюнтер прожила в том самом доме в Мурнау, с которым было связано столько воспоминаний. 19 мая 1962 года ее не стало. Похоронили художницу на местном кладбище при церкви Святого Николая, откуда открывается замечательный вид на баварский городок, однажды ставший центром мирового искусства.

Она ушла из жизни 50 лет назад, но остались ее картины и замечательный музей Ленбаххаус, ставший памятником верности Габриэлы Мюнтер своей юности, творческим идеалам и любви к одному из самых ярких художников XX века. Кроме того, благодаря подвигу этой женщины картины Кандинского дошли до наших дней в целостности и сохранности. И теперь, спустя почти 70 лет после смерти художника, мы можем судить о развитии абстракционизма в живописи 20 столетия.

Литература:

Его произведения:

1. **Кандинский В.** Избранные труды по теории искусства в 2 томах / Ред. коллегия и сост. Б.Автономова, Д. В. Сарабьянов, В. С. Турчин. -М., 2001. Тираж 2300 экз.
2. **Кандинский В.** Точка и линия на плоскости/ Пер. с нем. Елены Козиной. - СПб.: Азбука-классика, 2005. - С. 63-232.

О нем:

1. **Азизян И.А.** Концепция взаимодействия искусств и генезис диалогизма XX века (Вячеслав Иванов и Василий Кандинский)//Авангард 1910-х- 1920-х годов. Взаимодействие искусств. - М., 1998.
2. **Азизян И.А.** Москва В. В. Кандинского // Архитектура в истории русской культуры. Вып. 2. Столичный город. - М.: УРСС, 1998. – Стр. 66 -71.
3. **Азизян И.А.** Теоретическое наследие В. В. Кандинского в художественном сознании XX века // Вопросы теории архитектуры: Архитектурно-теоретическая мысль Нового и Новейшего времени / Сборник научных трудов под ред. И. А. Азизян. - М.: КомКнига, 2006. - Стр. 189-249.
4. **Кожев А.** Конкретная (объективная) живопись Кандинского (1936)// «Атеизм» и другие работы. - М.: Практикс, 2007. - С. 258-294.
5. **Лакост М. К.** Kandinsky/Мишель Кониль Лакост.- М.: Слово/Slovo, 1995.- 96с., с ил.
6. **Опимах И.** Время все расставит по своим местам"/Гала - Биография.- 2012.- №10.- Стр. 32-46.
7. **Рейнгардт Л.** Абстракционизм// Модернизм. Анализ и критика основных направлений.- М., 1969. - Стр. 101-111.
8. **Сарабьянов Д.В., Автономова Н.Б.** Василий Кандинский. Путь художника. Художник и время - М., 1984.
9. **Солоухин В.А.** Во-первых и во вторых// Солоухин В.А. С лирической позиции.- М.: Сов. писатель, 1965.- Стр. 128-142.
10. **Турчин В.** Кандинский в России/Валерий Турчин. - М.: Художник и книга, 2005. - 448с.
11. **Шишанов В. А.** Витебский музей современного искусства: история создания и коллекции. 1918-1941. - Минск: Медисонт, 2007. - 144 с.